

Штрихи к творческому портрету

Время
свершений

МАЛЕНЬКАЯ, затененная абажуром лампочка освещает разбросанные на столе листы бумаги, стаканы с недопитым чаем, пенельницу. Все остальное тонет в темноте пустынного и безмолвного зрительного зала. И только сцена живет своей обычной, напряженной и неспокойной жизнью. Здесь страдают, спорят, в чем-то убеждают друг друга. Идет эпизод последнего объяснения Норы и Хельмера. Но сейчас, после последнего прогона, что-то не ладится в этой картине.

Режиссерский стол — в середине темного зала — своеобразный пульт управления спектаклем. Георгий Викторович снова (в который раз!) отставляет недопитый чай, по-мальчишечьи легкими шагами взбегаёт по ступенькам на сцену.

— Что-то мы не так делаем, друзья мои, — говорит он исполнителям. — Поймите: вот сейчас в камине догорает вексель, едва не погубивший Хельмера. Какое облегчение должно овладеть им! Только что был страх, всплеск истерии, низости. Сейчас к нему снова вернулись самоуверенность, солидность. Но в душе еще бушуют отзвуки пережитого унижения. Это и надо показать...

Стрелки часов в фойе давно перешли за полночь. А репетиция продолжается. Героиня пьесы, маленькая хозяйка рухнувшего кукольного дома, так и не дождалась чуда, о котором страстно мечтала. Зато на сцене возникло другое чудо. Чудо рождения спектакля. То дорогое для актеров состояние, когда они, наконец, чувствуют: кажется, получается. Именно так надо играть эту сцену.

Завтра — премьера! Сколько раз было это в его жизни. И всегда приносило с собой не только радости, но гораздо больше тревог, волнений, желаний переворошить, переосмотреть уже найденное. Много было таких дней за тридцать лет работы в театре.

Его первой постановкой в Йошкар-Оле была «Совесть» по повести Доры Павловой. Было это десять лет назад, но и сейчас любители театра помнят этот хороший спектакль — его выстроенность, четкость мизансцен, прозрачность режиссерского видения.

И в последующих своих работах он подтвердил это умение почувствовать нерв пьесы, ее стилистику.

Обычно режиссеры верны спектаклям определенного жанра. Георгий Викторович Константинов с одинаковым увлечением ставит высокую трагедию, бытовую драму, водевиль. Но в каждой его работе отмечаешь определенность режиссерского поиска. Его привлекают характеры цельные, бескомпромиссные, люди, способные глубоко и сильно чувствовать. Он явно избегает однозначных решений, иллюстративности. И в исторических пьесах он ищет проблемы, способные взволновать сегодняшнего зрителя.

Его спектакль «Царь Федор Иоаннович», поставленный по классической пьесе А. Н. Толстого, привлекает не только добросовестным прочтением произведения. Да, ему присуща величественность, известная статуарность сцен, тщательная и интересная выписанность подробностей боярского быта. Его зловещие, кроваво-черные декорации — не только фон трагического зрелища, но и своеобразное действующее начало спектакля. Но мы увидели отнюдь не «музейный» исторический спектакль. Всем своим строем он говорил о высокой ответственности человека перед обществом.

«Царь Федор Иоаннович» появился два года назад и до сих пор с успехом идет на сцене театра. Одновременно с ним зажила на сцене героическая комедия «Раскату-

лось море широко». Это был спектакль, словно вобравший в себя отсвет грозных дней войны, пленяющий своим мажорным звучанием, тактично уловленной свежестью и наивностью чувств, свойственной комедии В. Вишневского.

Режиссер умеет удивительно создавать атмосферу спектакля. В его «Мещанах» действовали не только люди. Казалось, на сцене жил невидимый дух дома Бессеменова, какой-то почти осязаемый стусок скуки, зависти, мещанской занудливости. Надсадный скрип дверей, старых сундуков, грубая, топорно сработанная мебель, как бы давящая на людей, скучные речи хозяев — все это усиливало ненависть зрителя к мещанству!

«Умный и очень изящный спектакль» — так отзывались о «Бешеных деньгах», поставленных Г. Константиновым, приезжавшие в прошлом году на творческую конференцию московские критики. На этом спектакле была печать какой-то грустноватой иронии. Белые, с золотом шелковые обои в гостиной Чебоксаровых рождали впечатление пышности, величия. И тут же, в гостиной, стояли кадки с засохшими, неужоженными цветами. И эти цветы, и не очень уверенное кокетство женщины, и гонимое Телятева — все создавало ощущение непрочности, какого-то невеселого дворянского бивуака.

Георгий Викторович умеет «открыть» актера, почувствовать характер его дарования. Он старается, чтобы люди не замыкались в рамках определенного амплуа, пробовали себя в различных жанрах.

На телевидении готовили инсценировку по роману А. Кружикова «Раскол». Режиссером был приглашен Г. Константинов. Признаться, мне, редактору, было непросто работать с ним.

— Что вы толкуете о специфике телевидения? Ее нет. Есть плохие и хорошие спектакли. Вот и вся специфика.

А через день:

— Голубой экран, как ни тощую, диктует свои законы. Он должен быть ярче, чем театр и кино. Стараться сочетать художественное и документальное. Использовать прямое общение со зрителем. Многие здесь можно придумать...

И создал телеспектакль, который поразил обилием тонко подмеченных телевизионных приемов. Были в нем и закадровые монологии, и выращивание документальных материалов, и обилие крупных планов, и очень динамичный монтаж.

С такой же увлеченностью он работает с местными авторами. Нередко добивается переделки сцен, не особенно пада самолюбие. Но вот он возбужденно рассказывает о гастролях:

— Чем в Волгограде открылись? Конечно, «Комиссарами!» Привезти пьесу своего автора — что почетнее для театра? Драматургов много, а такой, как Сергей Николаев, — только у нас. Вот пьесы-сказки Миклая Рыбакова уже в других городах начали ставить. А ведь «прописку» они получили на нашей сцене!

Главный режиссер театра. Сейчас нередко говорят: это тот, кто возглавляет коллектив единомышленников. И это верно. Потому что с его личностью связано и направление творческих поисков коллектива, и гражданские устремления театра.

Главный режиссер Республиканского русского драмтеатра, заслуженный деятель искусств РСФСР и МАССР Г. Константинов мечтает о больших, эпических полотнах. Он собирается ставить «Ричарда III» Шекспира, «Заговор императрицы» А. Толстого.

Время свершений продолжается.

Б. ПОМОРЦЕВА.